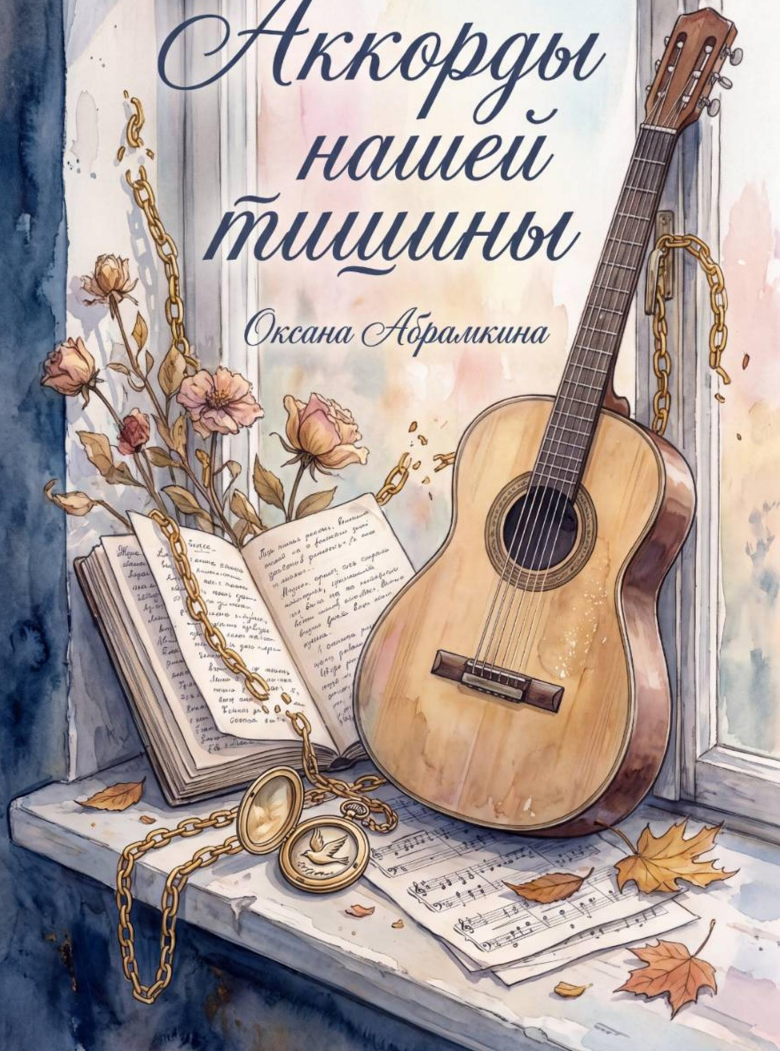

Аккорды нашей тишины

Оксана Абрамкина

Оксана Абрамкина

Аккорды нашей тишины

<https://litres.ru/74233509>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она потеряла голос в тот день, когда потеряла брата. С тех пор мир Яны Соколовской — это абсолютная тишина, нарушаемая лишь записями в блокноте и воспоминаниями о прошлом.

Он — Даниил Чернов. Наследник огромной империи, красавец из элитного лица, привыкший прятать свои истинные чувства за маской равнодушия. Отлично играет на гитаре, пробуждая в Яне желание вновь заниматься музыкой. Только девушка даже не догадывается, как связана с этой семьей.

Когда золотые стены Черновых начнут рушиться, им придется столкнуться с горькой правдой. Сможет ли любовь звучать громче, чем самая глубокая тишина? И найдет ли Яна свой голос, чтобы сказать самое важное слово?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	14
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	32
ГЛАВА 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Оксана Абрамкина

Аккорды нашей тишины

ПРОЛОГ

Звук рвущегося металла не похож ни на что другое. Он не просто громкий — он осязаемый, он проникает под кожу, оседает на зубах привкусом ржавчины и дешевого бензина.

Яне казалось, что этот звук будет преследовать ее вечно.

В ту ночь, три года назад, трасса М-4 была похожа на застывшую черную реку. Снег только начинал падать — редкие, ленивые хлопья, которые мгновенно таяли на лобовом стекле старенькой «Тойоты». В салоне пахло мандаринами и нагретой печкой. На заднем сиденье, зажатый между чемоданами, лежал футляр с виолончелью Яны.

— Если мы опоздаем на прослушивание, я сам сыграю твою партию на скрипке, — смеялся Артур. Его пальцы, длинные, тонкие пальцы музыканта, легко постукивали по рулевому колесу в такт какой-то джазовой мелодии, звучащей из хрипящих динамиков. — Представь лицо профессора, Яська. Скрипка вместо виолончели. Это же авангард!

— Ты не сможешь сыграть басовую линию, Арчи, — улыбалась Яна, глядя на его профиль.

Артур был старше на пять лет. Он был ее защитником, ее кумиром, ее лучшим другом. Это именно он привил Яне любовь к музыке. Сначала она выучилась игре на виолончели, а следом — на пианино. Он уже получил права, успевал учиться в колледже и подрабатывать, чтобы покрывать расходы на свою поддержанную машину.

Когда он улыбался, у него на левой щеке появлялась ямочка — точно такая же, как у их матери.

— Я всё могу, — легкомысленно отозвался он. — Главное — верить в...

Он не успел договорить.

Световые вспышки встречной машины ослепили мгновенно. Черный лед, коварный и невидимый, лишил колеса сцепления с дорогой. Машину повело. Яна помнила, как мир перевернулся — медленно, словно в замедленной съемке. Небо и земля поменялись местами. Рука Артура, рванувшаяся к ней, чтобы закрыть, защитить...

А потом наступила тишина. Абсолютная, звенящая, мертвая тишина, в которой не было больше ни музыки, ни смеха Артура. Только запах гари и медленно остывающий металл.

Когда Яну вытащили из груды обломков, она кричала. Кричала безудержно, не видя никого вокруг. Она смотрела на разбитый гриф своей виолончели, валявшийся на грязном снегу, и на руку брата, которая больше никогда не сожмет смычок.

И в этот же день Яна замолчала. Физически ее связки

были целы, но голос просто ушел, запертый где-то глубоко внутри, под тяжелой плитой вины выжившего.

ГЛАВА 1

Сентябрь в этом городе всегда пах сыростью и палой листвою.

Яна стояла перед зеркалом в прихожей их новой съемной квартиры и пыталась застегнуть воротник темно-синей школьной формы. Пальцы слегка дрожали. Форма была новой, жесткой, пахнувшей фабричным красителем. Она сидела на Яне немного мешковато — за последние полгода девочка сильно похудела, и теперь ключицы резко выделялись под тонкой тканью блузки.

— Яся, ты готова? — из кухни вышла мама.

Ирина Соколовская выглядела так, словно сама не спала несколько недель. Темные круги под глазами, бледная кожа, волосы, наспех собранные в пучок. После смерти Артура мама словно уменьшилась в размерах, усохла от горя. Она больше не носила яркие вещи, предпочитая серые и черные тона, и смотрела на Яну с такой отчаянной, удушающей любовью, что Яне порой становилось трудно дышать.

— Пожалуйста, возьми ингалятор. И телефон. Держи его на беззвучном, но на виду. Если что-то случится... если тебе станет плохо, сразу пиши мне. Я отпрошусь с работы.

Яна быстро закивала, натянула на лицо мягкую, успокаивающую улыбку и коснулась пальцами плеча матери. «Все

хорошо, мам. Я справлюсь», — попыталась она передать взглядом.

В кармане рюкзака лежал небольшой блокнот на пружине и черная гелевая ручка — ее новый «голос». Без них она не выходила из дома.

Новая школа — лицей №12 — считалась элитным заведением. Сюда принимали либо за очень большие деньги, либо за особые заслуги. Яну взяли благодаря связям ее отца, который до недавнего времени вообще особо не принимал никакого участия в их с мамой жизни.

«Ей нужна смена обстановки, — убеждала она отца. — В старой школе каждый угол напоминает об Артуре. Пусть начнет заново».

Начать заново. Легко сказать.

Когда Яна подошла к массивным дубовым дверям лицея, у нее перехватило дыхание. Двор был заполнен дорогими машинами, из которых выходили холеные, уверенные в себе подростки. Они смеялись, обнимались после летних каникул, обсуждали поездки в Европу и новые гаджеты. Яна почувствовала себя чужой, серой мышью, случайно забредшей на чужой праздник жизни.

Она опустила голову, пряча лицо за прядями темно-каштановых волос, и быстро пошла к входу.

Кабинет директора встретил ее запахом дорогого табака и кожаной мебели. Директор, грузный мужчина с фальшивой улыбкой, бегло просмотрел ее документы.

— Так, Ясмина Соколовская. Перевод из 19-й школы. Оценки отличные. Но... — он сделал паузу, глядя на нее поверх очков. — В личной карте указана временная потеря речи на почве психологической травмы. Ты ведь понимаешь, девочка, что у нас повышенная нагрузка? Устные ответы, презентации...

Яна быстро достала блокнот и написала аккуратным, ровным почерком: «Я могу писать письменные работы любого объема. Я все слышу и понимаю. Письменная коммуникация не вызовет проблем».

Директор вздохнул, поджал губы, но спорить не стал — звонок сверху имел больший вес, чем его личные сомнения.

— Хорошо. Твой класс — 11-Б. Староста класса, Алина, сейчас проводит тебя. Она покажет школу.

Через минуту в кабинет вошла девушка. Она была похожа на модель со страниц подросткового журнала: идеально уложенные светлые волосы, безупречный макияж, укороченный жакет, подчеркивающий тонкую талию, и дорогая сумка, небрежно висящая на локте.

— Здравствуйте, Валерий Петрович, — пропела она сладким голосом. — Я могу забрать новенькую?

— Да, Алина, будь добра. Помоги Ясмине освоиться. У нее... есть некоторые особенности здоровья, будьте деликатны.

Когда дверь кабинета закрылась, дружелюбная маска Алины мгновенно испарилась. Она смерила Яну оцениваю-

щим, холодным взглядом с ног до головы, задержавшись на ее недорогих ботинках и простом рюкзаке.

— Особенности, значит? — хмыкнула Алина, ускоряя шаг по коридору. — Ладно, мне все равно. Главное — не путайся под ногами. Наш класс — это не благотворительный фонд. У нас тут своя иерархия, поняла?

Яна молча кивнула. Ей было не привыкать к человеческой холодности.

Они поднялись на третий этаж. Возле кабинета литературы стояла группа парней. Они громко смеялись, толкая друг друга. В центре этой группы выделялся один.

Яна невольно замедлила шаг.

Он был высоким, широкоплечим, в расстегнутом черном пиджаке поверх серой футболки. Его темно-русые волосы были небрежно взъерошены, а на бледном лице выделялись резкие, словно высеченные из камня скулы. Но самым примечательным были его глаза — холодные, серо-стальные, в которых читалось абсолютное, безграничное равнодушие ко всему миру. И легкая, едва заметная презрительная усмешка на губах.

— Дан! — Алина мгновенно изменилась в лице, натянув свою самую очаровательную улыбку, и направилась к нему. — Привет. Ты почему не отвечал на мои сообщения вчера?

Парень даже не повернул головы в ее сторону. Он лениво затянулся электронной сигаретой, проигнорировав замечание проходившей мимо учительницы — та лишь ускорила

ход, сделав вид, что ничего не заметила.

— Был занят, — коротко бросил он. Голос у него был низкий, с легкой хрипотцой.

— Ну конечно, как обычно, — надула губы Алина, но тут же поспешила перевести тему. — Смотри, у нас тут пополнение. Новенькая в классе.

Дан медленно перевел взгляд на Яну.

Этот взгляд физически ощущался как ледяной душ. Он осматривал её не так, как Алина — без интереса к брендам одежды. Он смотрел глубже, словно препарировал её взглядом, выискивая слабые места. Яна почувствовала, как внутри всё сжалось от странного, инстинктивного страха. Этот парень был опасен. От него веяло темной, разрушительной силой.

— И как её зовут? — спросил один из парней из компании Дана, плотный брюнет с наглой улыбкой. — Эй, новенькая, у тебя имя есть? Или ты язык проглотила?

Яна открыла рот, по привычке пытаясь произнести хоть звук, но горло сковал привычный спазм. Вырвался лишь тихий, едва слышный сип.

Компания парней дружно загоготала.

— Ого! Она реально немая? — воскликнул парень по имени Кирилл. — Дан, глянь, к нам прислали бракованную!

Алина тонко хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

Яна почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота, а щеки начинают гореть от унижения. Она крепче сжала лям-

ку рюкзака и потянулась к карману за блокнотом, но в этот момент Дан сделал шаг вперед.

Он подошел к ней вплотную. От него пахло дорогим парфюмом с нотками кожи, табачным дымом и чем-то холодным, как осенний дождь. Он был намного выше, и Яне пришлось поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

Дан посмотрел на её дрожащие губы, затем на испуганные, но упрямые темные глаза. В его лице не было жалости. Только холодное любопытство хищника, заметившего легкую добычу.

— Немая, значит? — тихо произнес он, наклоняясь к ее уху так, что его дыхание опалило ей кожу. — Отлично. Терпеть не могу, когда девчонки слишком много болтают.

Он выпрямился, скользнул по ней равнодушным взглядом и прошел мимо, задев ее плечом. Сильно, так, что Яна едва удержала равновесие.

— Эй, Дан, подожди! — крикнул Кирилл, бросаясь за ним. Алина, бросив на Яну победный взгляд, тоже поспешила следом.

Яна осталась стоять посреди коридора. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее. Она прижала ладонь к груди, пытаясь выровнять дыхание.

«Добро пожаловать в ад, Яна», — подумала она, медленно доставая из кармана блокнот. Пальцы все еще дрожали, но внутри, сквозь страх, медленно поднималась глухая, упрямая злость.

Она выжила в той аварии. Она выдержит и это.

ГЛАВА 2

Кабинет литературы в лицее больше походил на зал заседаний какого-нибудь закрытого клуба: дубовые панели на стенах, портреты классиков в тяжелых рамах и панорамные окна, выходящие во внутренний двор с вековыми кленами.

Яна вошла в класс последней, стараясь быть максимально незаметной. Но в таком месте, как 11-Б, «незаметность» была роскошью. Шепотки поползли по рядам сразу же, как только ее нога переступила порог. Девочки у окна оценивающе переглядывались, парни на задних партах отпускали негромкие шуточки.

— Садись на любое свободное место, Соколовская, — не отрываясь от журнала, произнесла учительница литературы, Галина Васильевна — сухая женщина с идеальным пучком седых волос.

Яна огляделась. Единственное свободное место было на предпоследней парте среднего ряда. Прямо за ней сидел Дан.

Он сидел, развалившись на стуле, закинув одну ногу на колено. В его руках был дорогой металлический карандаш, который он лениво крутил между пальцами. Рядом с ним сидел Кирилл, который тут же ухмыльнулся, заметив, куда направляется Яна.

— О, Дан, смотри, твоя любимица идет, — громким ше-

потом произнес Кирилл. — Сейчас будет сеанс телепатии.

Яна стиснула зубы. Она прошла к парте, аккуратно отодвинула стул и села, стараясь держать спину ровно. Каждое движение давалось ей с трудом — она физически чувствовала взгляд Дана, направленный в ее затылок. Это было похоже на статическое электричество, от которого волосы на шее вставали дыбом.

— Итак, одиннадцатый класс, — Галина Васильевна поднялась, поправляя очки. — Начнем год с повторения. Достоевский. «Преступление и наказание». Тема искупления и душевного надлома. Кто хочет напомнить нам, в чем заключалась главная трагедия Раскольникова?

В классе повисла ленивая тишина. Никто не горел желанием отвечать в первый день.

— Ну же. Смелее. Алина? — учительница посмотрела на старосту.

Алина, сидевшая на первой парте, изящно поправила волосы.

— Раскольников совершил ошибку, потому что возомнил себя выше закона, Галина Васильевна. Он думал, что тварь дрожащая, а оказался... то есть, наоборот. В общем, его замучила совесть.

— Поверхностно, Алина, — вздохнула учительница. — Раскольников страдал не просто от страха наказания. Это был глубокий экзистенциальный кризис. Дан? Что скажешь ты?

Яна услышала, как сзади скрипнул стул. Дан слегка подался вперед.

— Его трагедия в том, что он попытался быть сильным, но оказался слишком слабым для собственной идеи, — раздался его низкий, равнодушный голос прямо над ухом Яны. — Если ты берешь на себя право решать, кому жить, а кому умереть, ты должен идти до конца. Без соплей и раскаяния. А Раскольников сломался. Стал жалок.

В классе стало очень тихо. Яна невольно затаила дыхание. В словах Дана звучала не просто школьная аналитика — в них чувствовалась пугающая личная философия.

— Смелое заявление, Чернов, — нахмурилась Галина Васильевна. — Но Достоевский как раз показывает, что без раскаяния невозможна жизнь. Душа гибнет.

— Душа гибнет, когда человек позволяет другим решать за себя, — отрезал Дан. Послышался сухой стук — он бросил карандаш на парту. — Сильные устанавливают правила. Слабые подчиняются или ломаются. Это естественный отбор, а не трагедия.

Яна не выдержала. Она резко развернулась на стуле и посмотрела Дану прямо в глаза. В её взгляде горело возмущение. Как он может говорить такое? О силе, о праве решать, кому жить? Он, мальчишка, который, скорее всего, никогда не терял никого по-настоящему, не знает, каково это — когда чья-то жизнь обрывается за секунду, оставляя тебя собирать осколки.

Дан приподнял одну бровь, глядя на её безмолвный бунт. На его губах снова появилась та самая ленивая, издевательская усмешка.

— Что, Соколовская? Хочешь поспорить? — тихо спросил он, глядя на нее в упор. — Давай. Я внимательно слушаю.

Класс замер. Все взгляды сфокусировались на них. Алина обернулась с первой парты, прищурив глаза. Кирилл тихонько прыснул.

Яна почувствовала, как краска заливает её лицо. Горло мгновенно сжалось, словно его перетянули железным обручем. Она хотела сказать ему, что сила — это не жестокость, что раскаяние — это единственное, что делает человека человеком. Но из её груди вырвался лишь сухой, прерывистый выдох.

— Соколовская, Чернов, прекратите разговоры, — строго оборвала их Галина Васильевна. — Ясмина, если у тебя есть мнение, ты можешь выразить его в письменном эссе к следующему уроку.

Яна медленно повернулась обратно к доске. Сердце бешено колотилось. Она открыла блокнот и с такой силой сжала ручку, что пальцы побелели.

«Он чудовище», — размашисто написала она на чистом листе. А затем яростно зачеркнула эти слова, пока никто не увидел.

После уроков Яна мечтала только об одном — поскорее

уйти домой. Шум школы, косые взгляды и постоянное напряжение выжали её до капли. Она шла по аллее школьного двора, когда её телефон завибрировал в кармане.

Это было сообщение от мамы: «Яська, я задержусь на работе до восьми. Суп в холодильнике, погрей обязательно. Не выходи поздно на улицу, обещаешь?»

Яна вздохнула и быстро напечатала в ответ: «Обещаю, мам. Всё хорошо».

Она убрала телефон и подняла глаза. Прямо перед ней, перегораживая тропинку, стояли Алина и две её подруги.

— Ну что, Соколовская, как тебе первый день? — приторно-сладким голосом спросила Алина, делая шаг навстречу. — Не слишком утомительно для твоих... нежных нервов?

Яна попыталась обойти их по траве, но одна из подружек Алины, высокая спортивная брюнетка, преградила ей путь.

— Погоди, мы еще не договорили, — ухмыльнулась брюнетка. — Алина с тобой вежливо общается, а ты даже не соизволишь ответить. Ах, да, я забыла. Ты же у нас... особенная.

— Послушай, Яна, — Алина подошла ближе, её голос стал тихим и ядовитым. — Я не знаю, за какие заслуги тебя сюда взяли. Но запомни одну вещь: держись подальше от Дана Чернова. Он не для таких, как ты. Ты для него — пустое место, забавная игрушка на пару дней, не больше. Не строй иллюзий.

Яна смотрела на Алину, чувствуя, как внутри закипает хо-

лодная ярость. Ей не нужен был Дан. Ей вообще никто из них не был нужен. Она достала из кармана блокнот, быстро написала несколько слов и сунула его прямо под нос Алине.

«Мне нет дела до твоего Дана. Оставь меня в покое».

Алина прочитала, её глаза гневно сузились. Она резко вырвала блокнот из рук Яны.

— Ты думаешь, ты самая умная, да? Писательница недоделанная! — Алина замахнулась, собираясь выбросить блокнот в кусты.

— Отдай ей блокнот, Алина.

Этот голос заставил всех троих вздрогнуть.

Из-за раскидистого клена медленно вышел Дан. Он держал руки в карманах брюк, на плече небрежно висел рюкзак. Его взгляд был ленивым, но в нем сквозила такая холодная угроза, что Алина мгновенно опустила руку.

— Дан... мы просто общались, — заискивающе произнесла она, пытаясь улыбнуться.

— Я сказал: отдай ей блокнот, — повторил Дан, не повышая голоса. Но от этого тона у Яны по спине пробежали мурашки. — И проваливай. Вместе со своими шестерками.

Алина вспыхнула, её лицо пошло красными пятнами от унижения. Она швырнула блокнот на землю, прямо в грязную лужу у ног Яны.

— Пойдемте, девочки, — процедила она и быстро пошла к выходу из школьного двора. Подруги поспешили за ней.

Яна проводила их взглядом, а затем медленно опустилась

на корточки. Блокнот лежал в воде, его страницы быстро пропитывались грязной жижей. Её единственный способ общаться, её защита... всё было испорчено. На глаза навернулись слезы, которые она так долго сдерживала.

Рядом послышались шаги. Дан остановился в шаге от нее.

Яна резко подняла голову, готовая увидеть на его лице очередную издевку. Но Дан смотрел на нее без улыбки. Он присел на корточки напротив, протянул руку и поднял мокрый блокнот из лужи. На мгновение его пальцы, испачканные в дорожной пыли, коснулись её пальцев. Они были горячими, как огонь.

Он протянул ей испорченную вещь.

— Не реви, — тихо сказал он. — Они этого не стоят.

Яна выхватила блокнот, прижала его к груди и, поднявшись, бросилась бежать прочь, не оглядываясь. Ей показалось, или в его стальных глазах на секунду промелькнуло что-то похожее на понимание? Нет, этого не могло быть. Он — чудовище, как и все здесь. И она сделает всё, чтобы никогда больше не приближаться к нему.

Дождь превратил школьный двор в серое месиво. Яна стояла под козырьком бокового выхода из лицея, кутаясь в старое, явно недорогое пальто. Она ждала, пока поток машин на парковке иссякнет. Ей не хотелось лишний раз попадаться

на глаза одноклассникам, которых у входа забирали личные водители на огромных черных внедорожниках.

Дан вышел через ту же дверь. Он накинул капюшон худи, собираясь бежать к остановке автобуса (он принципиально не вызывал семейного водителя, чтобы лишний раз не пересекается с людьми отца). Заметив Яну, он притормозил.

Она стояла, прижав к груди рюкзак, и смотрела на капли, стекающие по стеклу козырька. Её лицо казалось бледным, почти прозрачным в сумерках.

Дан помедлил, а затем сделал шаг к ней.

— Автобусы до центра сейчас ходят с перебоями, — негромко сказал он, стараясь, чтобы его голос не звучал излишне навязчиво. — Авария на мосту.

Яна вздрогнула от неожиданности и резко повернула голову. В её глазах мгновенно вспыхнула настороженность. Она сделала полшага назад, увеличивая дистанцию. Дан заметил это движение и мысленно выругался.

Она быстро полезла в карман, достала свой блокнот, но Дан мягко остановил её движением руки:

— Не нужно писать. Я просто предупредил. Если тебе в сторону метро, лучше срезать через сквер. Там дорога суше.

Яна замерла, держа карандаш над чистым листом. Она внимательно вглядывалась в его лицо, словно пытаясь понять, нет ли в его словах скрытой насмешки или подвоха. Дан стоял спокойно, держа руки в карманах куртки. На нем не было дорогих шмоток, которые носили другие парни из их класса, — простая черная куртка, потертые джинсы, тяжелые ботинки. В нем не было превосходства. Только какая-то глухая, застарелая усталость.

Яна медленно опустила блокнот. Она едва заметно, почти призрачно кивнула ему в знак благодарности, сделала шаг из-под козырька и пошла в сторону сквера.

Дан смотрел ей вслед, пока её хрупкий силуэт не растворился в пелене мокрого снега. Она не написала ему ни слова, но этот короткий обмен взглядами стал их безмолвным соглашением.

Старый гаражный кооператив на окраине района пах сыростью, машинным маслом и дешевым растворимым кофе. Для Глеба это место было священным граалем: здесь, среди

старых покрышек, разобранных моторов и развешанных по стенам плакатов рок-групп 90-х, он обустроил свою репетиционную базу.

Глеб, парень с вечно взъерошенными русыми вихрами и пятном от мазута на щеке, сидел на низком табурете и с упоением крутил колки старого баса. Он был полной противоположностью Дана — шумный, открытый, порывистый, не признающий никаких авторитетов и правил. Глеб вырос в простой семье автомеханика, сам умел перебрать любой двигатель за пару часов и плевать хотел на статусных мальчиков из элитного лицея, где учился Дан. Но с самим Даном их связывала странная, крепкая дружба, замешанная на общей любви к тяжелым гитарным риффам и нежелании жить по чужой указке.

Дан сидел на продавленном кожаном диване, лениво перебирая струны своей акустики. В гараже было прохладно, и изо рта при дыхании шел легкий пар.

— Слышь, Чернов, — Глеб отложил бас-гитару и потянулся к пачке сигарет, но, наткнувшись на предупреждающий взгляд друга, со вздохом убрал её обратно в карман куртки. — Ты какой-то вареный сегодня. Твой старик опять читал лекции о «великом будущем в строительном бизнесе»?

— Если бы, — глухо отозвался Дан, не прерывая игры. На грифе его гитары рождался рваный, тревожный минорный перебор. — Дома всё как обычно. Холодная война.

— Тогда в чем дело? — Глеб прищурился, внимательно

вглядываясь в лицо друга. — Ты весь день сам не свой. Из-за физики грузишься? Так я тебе напишу шпоры, делов-то.

— Нет. В класс новенькая пришла.

Глеб удивленно свистнул, картинно прижав руку к груди:

— Опа! Неужели ледяное сердце Даниила Чернова растаяло при виде очередной столичной штучки в брендовых шмотках? Кто она? Дочка прокурора? Или нефтяника?

— Перестань, Глеб, — поморщился Дан, остановив струны ладонью. Звук резко оборвался. — Она вообще не из этих. Её зовут Яна. И она... она не разговаривает. Совсем.

Глеб замер. Шутливое выражение мгновенно сошло с его лица, сменившись искренним недоумением. Он подался вперед, оперев локти в колени.

— В смысле — не разговаривает? Немая, что ли? И как она учится в нашем пафосном заведении? Туда же без рекомендаций и тройного фильтра на вменяемость даже уборщиком не берут.

— Не знаю, — Дан откинул голову на спинку дивана, глядя в закопченный потолок гаража. — Она пишет на бумаге. Носит с собой блокнот и карандаш. У нее... странный взгляд, Глеб. Будто она смотрит не на тебя, а сквозь. И в глазах столько тоски, что выть хочется. Ребята в классе уже начали коситься. Некоторые придурки уже цепляются к ней.

Глеб нахмурился, его кулаки непроизвольно сжались.

— И ты, конечно, промолчал? — с легкой подначкой спросил он.

— Я сам вёл себя как полный придурок, — тихо ответил Дан. — Но дело не в этом. Когда я посмотрел на неё... в её глаза... я сразу пожалел, что так себя вёл.

Глеб молча встал, подошел к старому чайнику, щелкнул кнопкой и повернулся к другу. В его глазах больше не было привычного зубоскальства. Глеб знал Дана лучше, чем кто-либо. Он знал, что за маской равнодушного и циничного бунтаря скрывается парень, израненный чувством вины и одиночеством в собственном роскошном доме.

— Слушай, Дан, — серьезно сказал Глеб. — Ты только в спасателя не играй. Такие девчонки — они как битое стекло. Красивые, но, если попытаешься склеить голыми руками — сам испачкаешься в крови. У нее свои демоны, у тебя — свои. Тебе мало проблем с отцом?

Дан ничего не ответил. Он снова коснулся струн, и в полумраке гаража зазвучала тихая, щемящая мелодия — предвестник той песни, которую им еще только предстояло написать вместе.

ГЛАВА 3

Дома Яна первым делом попыталась спасти блокнот. Она бережно разделяла мокрые, слипшиеся страницы, прокладывая их бумажными салфетками, но чернила гелевой ручки расплылись уродливыми сиреневыми кляксами. Её мысли, её безмолвные крики, записанные за последние несколько месяцев, превратились в нечитаемые грязные разводы.

Она швырнула испорченную тетрадь в мусорное ведро и без сил опустилась на кровать.

В комнате царил полумрак. Из приоткрытого окна доносился гул вечернего города — чужого, холодного, равнодушного. На стене в рамке висела фотография: они с Артуром стоят на сцене консерватории после отчетного концерта. Артур, взъерошенный, с сияющими глазами, держит скрипку как самый дорогой трофей, а она, совсем еще маленькая, обнимает свою виолончель и смеется, закинув голову.

Яна отвела взгляд. Смотреть на фото было физически больно. Сердце сжалось в знакомом спазме, и она потянулась к тумбочке за ингалятором. Два вдоха. Сухой лекарственный воздух обжег легкие, возвращая контроль над телом.

«Ты должна быть сильной», — мысленно приказала она себе. — «Ради мамы. Ради памяти Артура».

Она достала из рюкзака новый, еще пахнувший типограф-

ской краской блокнот в плотной обложке цвета темного шоколада. Открыла первую страницу. Провела пальцем по девственно-чистой бумаге.

«Меня зовут Яна. И я научусь жить заново», — вывела она аккуратным почерком.

На следующий день лицей встретил её привычным шумом. Яна старалась держать голову высоко поднятой. Она демонстративно игнорировала шепотки за спиной и косые взгляды Алины, которая теперь смотрела на неё с откровенной ненавистью.

Дана в классе не было. Его парта пустовала весь первый урок, и второй тоже. Кирилл сидел один, лениво перекидываясь бумажными самолетиками с парнями с соседнего ряда. Яна поймала себя на глупой, необъяснимой мысли: она высматривала Дана в толпе на перемене. И когда поняла это, мысленно отругала себя. Какое ей дело до него?

После третьего урока Яна решила спрятаться от школьного гула. В поисках тихого места она забрела в старое крыло лицея. Здесь коридоры были уже, потолки выше, а классы казались заброшенными. Пахло мелом, старыми книгами и мастикой для паркета.

В самом конце коридора она наткнулась на полуоткрытую дверь с табличкой «Актный зал. Реконструкция».

Яна заглянула внутрь. Зал был огромным, затянутым строительной пленкой. Сквозь высокие арочные окна падали косые лучи пыльного солнца, освещая пустые ряды кре-

сел. На сцене, среди строительных лесов и мешков со шпаклевкой, стоял он.

Большой концертный рояль «Stradivarius». Черный, лакированный, покрытый тонким слоем строительной пыли, он выглядел как поверженный, но все еще величественный король.

Сердце Яны пропустило удар. Музыка. Она не прикасалась к инструментам три года. Дома все инструменты были проданы — маме нужны были деньги на лечение Яны и на переезд, да и видеть их они обе не могли без слез.

Яна медленно, словно под гипнозом, пошла по проходу между креслами. Шаги тонули в мягкой пыли. Она поднялась на сцену по скрипучим деревянным ступеням.

Рояль притягивал её. Она подошла ближе, протянула дрожащую руку и коснулась пальцами закрытой крышки клавиатуры. Дерево было холодным. Яна осторожно подняла крышку. Бело-черные клавиши блеснули в полумраке, словно зубы сказочного зверя.

Она занесла руку над клавишами. Сердце колотилось в ушах тяжелыми ударами. Пальцы вспомнили первые аккорды «Лунной сонаты» Бетховена — произведения, которое они так часто играли с Артуром в четыре руки.

«Сделай это, Яська», — прошептал в её голове далекий, любимый голос брата.

Яна зажмурилась и мягко нажала на клавиши.

Раздался глубокий, чистый, невероятно красивый звук.

Он заполнил всё пространство заброшенного зала, отразился от высоких потолков и улетел куда-то под крышу. У Яны перехватило дыхание. Из её глаз брызнули слезы, но она не остановилась. Пальцы сами, повинаясь мышечной памяти, побежали по клавишам.

Она играла. Без нот, без подготовки. Музыка лилась из неё — вся её боль, её невысказанные слова, её страх, её одиночество. Это был её настоящий голос. Громкий, сильный, свободный.

Она так увлеклась, что не сразу услышала тихий шорох в глубине сцены.

Яна взяла финальный, драматический аккорд. Звук медленно угасал в пространстве зала. Она сидела, тяжело дыша, опустив голову на руки, чувствуя, как слезы катятся по щекам.

— Красиво, — раздался тихий голос из темноты за кулисами.

Яна вздрогнула и резко обернулась, едва не свалившись с банкетки.

Из тени декораций медленно вышел Дан. На нем были все те же черные джинсы и футболка, но в руках вместо электронной сигареты он держал старую акустическую гитару. На его лице не было привычной издевательской усмешки. Он смотрел на нее как-то странно — серьезно и пристально.

Яна мгновенно захлопнула крышку рояля. Звук получился резким и сухим. Она вскочила, лихорадочно вытирая сле-

зы рукавом блузки, и потянулась за своим рюкзаком. Ей хотелось провалиться сквозь землю. Он видел её слабость. Он слышал её музыку.

— Эй, стой, — Дан сделал шаг навстречу, преграждая ей путь со сцены. — Я не кусаюсь. Чего ты испугалась?

Яна сердито посмотрела на него и попыталась обойти. Но он перехватил её за локоть. Хватка была крепкой, но удивительно бережной.

— Пусти, — попыталась «сказать» она глазами, отчаянно вырываясь.

— Не пущу, пока не успокоишься, — тихо, но твердо произнес Дан, будто смог понять её. — Ты отлично играешь. Почему бросила?

Яна замерла. Она посмотрела на его руку, сжимающую её локоть, затем в его серые глаза. В них больше не было холода. Там было что-то еще... какая-то затаенная, глубокая грусть, которую он так тщательно скрывал от всего мира за маской цинизма.

Она медленно полезла свободной рукой в карман, достала новый блокнот и ручку. Дан отпустил её локоть, послушно ожидая.

Яна быстро написала: «Это не твое дело. Отпусти меня. И не смей никому говорить, что видел меня здесь».

Дан прочитал. На его губах снова появилась легкая, едва заметная усмешка, но на этот раз она не была злой.

— Твой секрет в безопасности, Соколовская, — сказал он,

отступая на шаг и освобождая проход. — Но учти: этот зал — и мое убежище тоже. Так что нам придется делить его.

Яна ничего не написала в ответ. Она быстро сбежала со сцены, промчалась по проходу и вылетела из актового зала, чувствуя, как горит её лицо.

Но где-то глубоко внутри, под слоем страха и злости, впервые за три года шевельнулось забытое, теплое чувство. Музыка вернулась к ней. И, кажется, она была не единственной, кто прятался в этом заброшенном зале от остального мира.

ГЛАВА 4

В лицейской библиотеке всегда пахло старой бумагой и мастикой для паркета. Здесь редко кто-то бывал, кроме редких отличников, поэтому Дан часто использовал это место, чтобы просто посидеть в тишине.

В тот четверг он нашел её в самом дальнем углу, между стеллажами с зарубежной классикой. Яна сидела на полу, подогнув под себя ноги, и перелистывала тяжелый том с репродукциями картин. Рядом с ней лежала стопка книг по истории искусства.

Дан тихо подошел и сел на соседний стул. Она вздрогнула, но в этот раз не сжалась, а лишь вопросительно приподняла брови.

— Тоже прячешься от шума? — спросил Дан, прислонившись спиной к стеллажу.

Яна кивнула. Она открыла блокнот и быстро написала: «Здесь тихо. В классе слишком много звуков. Они... ранят».

Дан прочитал строчки, написанные её аккуратным, летящим почерком.

— Понимаю, — тихо сказал он. — Иногда хочется выключить звук у всего мира. Оставить только... ну, не знаю. Что-то настоящее.

Яна посмотрела на него с внезапным интересом. Она пе-

ревернула страницу и написала: «Например?»

— Например, дождь. Или шум ветра в соснах. Или... хорошую музыку.

При слове «музыка» пальцы Яны, державшие карандаш, едва заметно дрогнули. Она быстро написала: «Ты играешь?»

— Пытаюсь, — усмехнулся Дан. — Гитара. У моего друга есть гараж, мы там репетируем. Ничего особенного, просто пытаемся выплеснуть то, что внутри. А ты? Любишь музыку?

Яна долго смотрела на чистый лист. Её лицо осунулось, а пальцы крепче сжали карандаш. Дан уже пожалел, что задал этот вопрос, заметив, как напряглись её плечи. Но она всё же начала писать. Строчки ложились на бумагу медленно, словно ей было физически тяжело их выводить:

«Я раньше пела. Очень много. Брат играл на скрипке, а я играла на пианино и пела. Но потом... музыка умерла. Вместе с ним».

Дан прочитал это, и внутри у него всё сжалось. Он почувствовал такую острую, пронзительную вспышку чужой боли, что ему стало трудно дышать. Он посмотрел на её опущенную голову, на тонкую шею, скрытую воротником свитера.

Он не стал говорить банальных слов сочувствия. Вместо этого он достал из кармана телефон, распутал наушники и протянул ей один вкладыш.

— Послушай, — тихо предложил он. — Это не вернет му-

зыку. Но, может быть, поможет ей не казаться такой враждебной.

Яна посмотрела на белый наушник на его ладони, затем на Дана. Колебание длилось всего несколько секунд. Она протянула руку, взяла наушник и вставила его в ухо.

Дан нажал «play». Из динамика полилась тихая, меланхолическая инструментальная композиция — переплетение акустической гитары и далекого, едва слышного шума океана. Это была его собственная запись, которую он никогда никому не показывал, даже Глебу.

Они сидели на полу между пыльными стеллажами, соединенные тонким белым проводом. Яна закрыла глаза, и Дан увидел, как расслабились её плечи, а на ресницах задрожала крошечная, едва заметная слезинка. В этот момент между ними исчезли все барьеры — её немота, его замкнутость, их разное прошлое. Они просто слушали одну и ту же боль, звучащую в такт их сердцам.

Съемная полуторка на окраине города встретила Яну привычной тишиной. Мама снова задерживалась на работе — она брала двойные смены в аптеке, чтобы оплачивать аренду и бесконечные счета за коммунальные услуги. На кухонном столе лежала записка, написанная торопливым, уставшим почерком: «Суп в холодильнике. Разогрей. Буду позд-

но. Люблю».

Яна вздохнула, аккуратно сложила листок и положила его в коробку к другим таким же запискам. Это был их единственный способ общения за последние месяцы. Мама так и не смогла привыкнуть к её молчанию. Каждый раз, когда они оказывались в одной комнате, мама начинала говорить без умолку — обо всем подряд, о погоде, о ценах, о соседях, — лишь бы заглушить эту давящую, звенящую тишину, которая напоминала им обоим о том, кого больше нет.

Яна не стала разогревать суп. Аппетита не было. Она заварила слабый чай с ромашкой и ушла в свою комнату.

Её комната была полупустой: кровать, письменный стол и старый комод. На комод стояла фотография в простой деревянной рамке. С неё ей улыбался Артур.

Яна села на подоконник, подтянув колени к подбородку, и посмотрела на улицу. За окном расстился серый спальный район: бесконечные коробки многоэтажек, тусклые фонари и редкие прохожие под зонтами.

Она достала из рюкзака свой блокнот. Листая страницы назад, она наткнулась на строчки, написанные Даном в библиотеке. Его почерк — размашистый, уверенный, с резкими нажимами — разительно отличался от её аккуратных букв.

«Иногда хочется выключить звук у всего мира», — вспомнила она его голос. У Дана был низкий, чуть хрипловатый тембр. Он говорил спокойно, без той жалости или фальшивой бодрости, которую Яна привыкла слышать от врачей и

учителей. Он общался с ней как с равной.

Яна прикоснулась кончиками пальцев к бумаге, словно надеясь почувствовать тепло его руки.

В её ушах всё еще звучала та мелодия, которую он дал ей послушать через один наушник. Это была странная музыка — в ней не было фальшивого оптимизма поп-хитов, но не было и беспросветной тьмы. Это была грусть человека, который тоже что-то потерял, но продолжает идти вперед.

«Кто ты, Даниил Чернов?» — подумала Яна, глядя на темнеющее небо.

В лице он казался чужаком среди всех этих высокомерных детей богатых родителей. Он держался особняком, ни с кем особо не общался. В его глазах Яна видела то же одиночество, которое каждую ночь душило её саму в этой пустой квартире. Но если она была заперта в своей немоте физически, то Дан, казалось, запер себя в ней добровольно.

Яна открыла чистую страницу блокнота и взяла карандаш. Пальцы двигались быстро, повинуюсь внезапному порыву. На бумаге начал вырисовываться набросок: парень в черном худи с капюшоном, сидящий на подоконнике на фоне огромного окна. Его лицо было скрыто тенью, но в развороте плеч и в том, как он держал невидимую гитару, безошибочно угадывался Дан.

Она рисовала его по памяти, удивляясь тому, как точно её пальцы воспроизводят каждую деталь его силуэта.

Когда набросок был готов, Яна дописала внизу несколько

строчек из своего нового стихотворения:

Твой голос — как мост над пустой глубиной,

Где ветер качает промокшие тени.

Ты делишься тихой своей тишиной,

И я забываю про страх несовпадений...

Она закрыла блокнот, прижала его к груди и впервые за долгое время поймала себя на мысли, что завтра ей хочется пойти в лицей. Не ради уроков. А ради того, чтобы снова увидеть парня с грустными глазами, который умеет слушать тишину.

Осень окончательно вступила в свои права. Дожди шли не переставая, превращая школьный двор в серое зеркало, в котором отражалось хмурое небо.

Для Яны актовый зал стал единственным местом, где она могла дышать. Она приходила туда почти каждый день после уроков. Сначала она осторожно прислушивалась у двери, проверяя, нет ли там Дана. Чаще всего в зале было пусто, и тогда она садилась за рояль и играла — тихо, вполголоса, восстанавливая гибкость пальцев и вспоминая старые партитуры.

Но иногда Дан уже был там.

Он обычно сидел на краю сцены, свесив ноги, и лениво перебирал струны своей гитары. Они не разговаривали. Да и

как они могли разговаривать? Но удивительно: им не нужны были слова.

В один из вторников Яна вошла в зал и увидела, что Дан пытается подобрать на гитаре сложную, ломаную мелодию. Он раз за разом спотыкался на одном и том же переходе, глухо ругался и начинал заново.

Яна молча прошла к роялю, открыла крышку и, дождавшись, пока он снова дойдет до трудного места, мягко вступила, поддерживая его басовым аккордом на клавишах.

Дан замер. Его пальцы остановились на струнах. Он обернулся и посмотрел на нее. Яна испугалась своей смелости и уже хотела убрать руки, но Дан вдруг коротко кивнул:

— С третьей доли. Давай.

Они попробовали еще раз. На этот раз получилось. Его резкий, металлический звук гитары удивительно гармонично переплелся с глубоким, бархатным голосом рояля. Это был странный дуэт — классика и гранж, лед и пламя. Но в этой музыке была жизнь. Они играли около получаса, без слов понимая, когда нужно сделать паузу, а когда — прибавить громкости.

Когда последний аккорд затих, Дан откинул голову назад и тихо рассмеялся.

— А ты хороша, Соколовская. Реально хороша.

Яна улыбнулась — впервые за долгое время искренне, не пряча лицо.

Но идиллия не могла длиться вечно. Школьная реаль-

ность быстро напомнила о себе.

В пятницу после физики Яна задержалась в классе, чтобы переписать формулы с доски. Когда она наконец вышла в коридор, лицей уже опустел. В полумраке рекреации горело лишь несколько ламп.

— Эй, немая! — раздался резкий голос из-за угла.

Яна вздрогнула. Навстречу ей шла Алина в сопровождении Кирилла. Лицо Алины перекосила злость.

— Ты думаешь, я не вижу, как ты крутишься возле Дана? — процедила Алина, подходя вплотную. — Думаешь, если ты строишь из себя несчастную жертву, он тебя пожалеет?

Яна сделала шаг назад, прижимая рюкзак к груди. Она быстро достала блокнот, но Кирилл резко вырвал его у нее из рук и швырнул на пол.

— Хватит писать свои писульки! — крикнул он, наступая на нее. — Скажи что-нибудь! Или ты реально тупая?

— Кирилл, оставь её, — высокомерно бросила Алина. — С ней бесполезно разговаривать. Давай просто покажем ей её место.

Кирилл ухмыльнулся и толкнул Яну в плечо. Она не удержалась на ногах и больно ударилась спиной о металлическую дверцу шкафчика для одежды. Рюкзак выпал из рук, его содержимое рассыпалось по полу: ручки, учебники, ингалятор...

— О, глянь, че это? — Кирилл поднял пластиковый баллончик ингалятора. — Игрушка?

«Отдай!» — кричали глаза Яны. Она попыталась подняться, но Кирилл наступил ногой на её учебник, удерживая её на месте.

— Кирилл, отдай ей, — раздался холодный, как сталь, голос позади них.

Дан стоял у входа в коридор. Его кулаки были сжаты, а в глазах горело такое бешенство, какого Яна еще никогда у него не видела.

— Дан... — Алина сделала шаг назад, мгновенно растеряв всю свою спесь. — Мы просто...

— Я сказал: отдал ей ингалятор. Быстро, — тихо произнес Дан, делая шаг вперед.

Кирилл, несмотря на свой внушительный вид, побледнел. Он швырнул баллончик на пол и сделал шаг назад.

— Да ладно тебе, Чернов, мы просто пошутили...

— Пошли вон, — выплюнул Дан.

Алина и Кирилл, не говоря больше ни слова, поспешили скрыться за поворотом коридора.

Яна сидела на полу, тяжело и прерывисто дыша. Стресс спровоцировал приступ. Грудь словно сдавило железным обручем, воздух не проходил в легкие. Она хрипела, отчаянно пытаясь дотянуться до валяющегося в стороне ингалятора.

Дан мгновенно оказался рядом. Он упал на колени, схватил баллончик, встряхнул его и поднес к её губам.

— Дыши, Яна. Дыши, слышишь меня? — его голос, обычно такой равнодушный, сейчас дрожал от паники. — На счет

три. Один, два, три — вдохай!

Он нажал на клапан. Лекарство облачком влетело в её горло. Яна судорожно вздохнула, обхватив его запястье своими холодными пальцами.

— Еще раз. Давай, — Дан снова нажал на баллончик.

Постепенно спазм начал отступать. Воздух со свистом, но все же начал наполнять её легкие. Яна закрыла глаза, обессиленно прислонившись спиной к шкафчику. Её рука все еще сжимала запястье Дана — она чувствовала, как быстро и неровно бьется его пульс.

Дан не уходил. Он сидел на полу рядом с ней, тяжело дыша, словно это у него только что был приступ.

— Прости, — тихо сказал он, глядя куда-то в пустоту перед собой. — Это из-за меня они к тебе привязались. Алина бесится, потому что я... потому что мне плевать на нее. А ты... ты другая.

Яна медленно открыла глаза и посмотрела на него. На его щеке, прямо возле уха, она заметила тонкий, едва заметный шрам. Такой же, как у нее на плече после аварии.

Она потянулась к полу, нашла свою ручку и на обратной стороне уцелевшей страницы блокнота медленно написала: «Спасибо».

Дан прочитал, посмотрел на нее, и впервые в его глазах Яна увидела не холодную сталь, а теплое, живое пламя.

— Пойдем отсюда, — тихо сказал он, помогая ей подняться и бережно закидывая её рюкзак себе на плечо. — Я про-

вожу тебя домой. И это не обсуждается.

ГЛАВА 5

Они вышли на улицу, когда сумерки уже густо синели над проспектами. Дождь прекратился, оставив после себя влажный блеск асфальта и запах мокрой листвы. Дан шел чуть впереди, закинув рюкзак Яны на одно плечо, а свой — на другое. Его длинные шаги заставляли её почти бежать, но она не жаловалась. После пережитого приступа прохладный воздух казался сладким, как горный источник.

Вместо того чтобы свернуть к остановке троллейбуса, Дан направился в сторону старого моста через реку, разделявшую город на две части: историческую, с тихими улочками, и промышленную, где высились трубы заводов и новые жилые кварталы.

Яна остановилась и легонько дернула его за рукав куртки. Когда он обернулся, она указала на телефон, намекая, что ей пора домой.

— Твоя мама дома? — спросил Дан.

Яна отрицательно покачала головой.

— Значит, у нас есть полчаса. Тебе нужно проветриться, Соколовская. Ты бледная как смерть. Пойдем, тут недалеко.

Они поднялись на пешеходный мост. Отсюда открывался вид на реку, в которой дрожали отражения неоновых вывесок и автомобильных фар. Дан облокотился на чугунные пе-

рила, подставив лицо ветру.

— Знаешь, почему я торчу в этом дурацком лицее? — вдруг спросил он, не глядя на нее. — Мой отец — застройщик. Половина этих новых стеклянных коробок на том берегу — его работа. Он хочет, чтобы я после школы ехал в Лондон, учился на архитектора и возвращался управлять его империей. «Чернов и сын». Звучит как приговор, правда?

Яна внимательно слушала. Она достала блокнот, прижала его к перилам и быстро написала: «А чего хочешь ты?»

Дан скосил глаза на страницу, усмехнулся и вытащил из кармана пачку сигарет. Зажигалка щелкнула, на секунду осветив его резкие скулы и сосредоточенный взгляд.

— Я хочу играть. Просто играть. Музыку, от которой стены трещат. Но для отца гитара — это «блажь для нищих». Он считает, что если бизнес не приносит миллионы, то это не дело, а мусор. Мы не разговариваем нормально уже года два. Только через его секретарей или когда он решает устроить мне очередной разнос.

Он затаился, выпуская дым в сторону реки.

— В тот день, когда ты пришла в класс... я сразу понял, что ты из другого мира. Из того, где музыка — это не просто строчка в резюме для поступления в Гарвард. Ты играла так, словно от этого зависела твоя жизнь.

Яна опустила голову. Она снова вспомнила Артура. Написала: «Мой брат тоже так играл. Он был скрипачом. Лучшим. Его не стало, а я... потеряла голос. И больше не могла

играть».

Дан долго смотрел на неровные строчки. Его сигарета медленно тлела, пепел падал вниз, в темную воду.

— Мне жаль, Яна, — тихо, без тени привычного цинизма произнес он. — Но сегодня ты играла. Значит, ты возвращаешься.

Яна посмотрела на свои руки. Пальцы все еще подрагивали — то ли от холода, то ли от избытка чувств. Она не знала, возвращается ли она, но рядом с Даном ей впервые за три года не хотелось спрятаться в свою глухую, безопасную скорлупу.

Тем временем на другом конце города, в уютной, но скромной квартире Соколовских, Ирина — мама Яны — устало разувалась в прихожей. Её смена в частной клинике, куда она устроилась медсестрой, затянулась. Работа была тяжелой, но платили вовремя.

Ирина прошла на кухню, надеясь увидеть дочь, но в квартире было тихо. На столе лежал нетронутый обед.

— Яська? — позвала она, чувствуя, как в груди поднимается привычная тревога.

Она заглянула в комнату дочери. Пусто. На тумбочке не было ингалятора — значит, Яна взяла его с собой. Ирина присела на край кровати, её взгляд упал на рамку с фотогра-

фией сыновей и дочери.

— Господи, Артурчик... — прошептала она, прижимая ладонь к губам. — Сбереги её. Она у меня одна осталась.

Телефон Ирины зазвонил. На экране высветился незнакомый номер. Она быстро смахнула слезу и ответила:

— Да, слушаю.

— Ирина Васильевна? — раздался в трубке вежливый, но холодный мужской голос. — Вас беспокоит адвокат коллегии «Чернов и партнеры». Мы хотели бы еще раз обсудить условия закрытия дела по ДТП трехлетней давности. Появились новые обстоятельства, и наш клиент готов увеличить сумму компенсации взамен на подписание окончательного отказа от претензий.

Рука Ирины, сжимающая телефон, задрожала.

— Какая компенсация? — её голос сорвался на шепот, полный боли и гнева. — Вы думаете, ваши деньги вернут мне сына? Или вернут голос моей дочери? Не звоните мне больше. Никогда.

Она сбросила вызов и разрыдалась, обхватив голову руками.

Дан проводил Яну до самого подъезда её старого панельного дома. Здесь, среди обшарпанных стен и тусклых фонарей, он со своей дорогой курткой и гитарой выглядел как

пришелец из космоса.

Он протянул ей её рюкзак.

— Завтра суббота. В актовом зале никого не будет, строители отдыхают. Я буду там в двенадцать. Придешь?

Яна посмотрела на него. В его глазах было столько надежды, смешанной с упрямством, что она просто не могла отказать. Она кивнула.

— Вот и отлично, — Дан улыбнулся своей редкой, теплой улыбкой. — До завтра, Соколовская.

Яна повернулась и пошла к двери подъезда. Но перед тем, как войти, она обернулась. Дан стоял под фонарем, засунув руки в карманы, и смотрел ей вслед. В этот момент он казался ей не чудовищем из золотой клетки, а просто одиноким парнем, который, как и она, искал свой путь в темноте.

В первое время после аварии Яна еще верила, что всё вернется на свои места.

В больничную палату, пахнущую хлоркой и медикаментами, то и дело прилетали сообщения в групповой чат класса. Подруги из её прежней, обычной районной школы писали слова поддержки, присылали глупые ободряющие мемы и обещали навещать каждый день. Даша, её лучшая подруга с первого класса, с которой они делили одну парту, секреты и мечты о поступлении в университет, даже принесла в больницу огромного плюшевого медведя и долго плакала, уткнувшись Яне в плечо.

Но время шло, а реальность оказывалась куда суровее ко-

ротких подбадривающих эсэмэсок.

Восстановление Яны было долгим и мучительным. Первые три недели она вообще не могла двигаться — сильное сотрясение мозга, трещина в бедре и множественные ушибы привязали её к больничной койке. Но самым страшным оказался не гипс и не постоянная ноющая боль в теле. Самым страшным была тишина внутри неё.

Когда спал отек гортани, врачи обнадеживающе улыбались: «Связки целы, Яночка. Сильный испуг, посттравматический шок. Скоро заговоришь».

Но «скоро» не наступало. Каждое утро начиналось с изнурительных и унижительных процедур. Мама приводила в палату логопеда-реабилитолога. Яна до боли в суставах сжимала кулаки, пытаясь выдавить из себя хотя бы один членораздельный звук. Она до хрипа, до слез, выступавших на глазах, тужилась, чтобы произнести простое «А» или «Ма-ма». Но из горла вырывался лишь сиплый, свистящий воздух, похожий на шелест сухих листьев. Горло словно сжимали невидимые железные тиски, блокируя любой звук на подходе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.